

Любимова Г.В. Феномен почитания «святых мест» в культуре русских сибиряков в XX в. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X. Ч. II. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. 2004 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 73-77.

Проводимое в течение последних лет исследование системы «святых мест» показало, что разнообразные формы почитания сакральных объектов природы у русских сибиряков связаны, как правило, с традициями проведения крестных ходов, а также с возведением культовых сооружений (деревянных крестов, часовен, храмов и т.п.) в непосредственной близости от «святого места».; Выяснилось также, что бытующие вплоть до настоящего времени предания о так называемых «явленных иконах» относятся к одной из характерных особенностей указанных природно-сакральных комплексов, отмеченных, согласно народным воззрениям, символикой женского плодородящего и исцеляющего начала [см.: Любимова, 2001 и др.].

Изучение одного из таких комплексов в Первомайском районе Алтайского края, предпринятое в минувшем полевом сезоне, выявило взаимоналожение народной исторической памяти и традиционных религиозно-экологических представлений. В результате подобной контаминации место расстрела участников гражданской войны («мучеников за веру» в современной народной интерпретации) стало почитаемым объектом природы. Согласно полученным сведениям, родник в Сорочьем Логу всегда расценивался верующими как одно из «святых мест», наделенных чудесным свойством являть паломникам лики святых, а также исцелять больных от разного рода физических и душевных недугов. Привлечение данных местной периодики и сопоставление их с современными полевыми материалами дало возможность проследить историю функционирования «святого ключа» с момента его возникновения вплоть до наших дней.

Рассмотрим подробнее обстоятельства, связанные с появлением легенды о чудотворных свойствах «святого ключа». Однако, прежде всего, отметим примечательное свойство народной исторической памяти, в силу которого современные жители Сорочьего Лога, хорошо осведомленные о том, что «святой ключ» существует в селе со времен гражданской войны, плохо представляют, кто именно пострадал в кровавых событиях тех лет. Большинство информаторов придерживаются мнения о том, что в тех местах расстреляли людей, которые *«то ли за советскую власть или, то ли против - теперь не поймешь»* (записано от Ефремовой Е.И., 1934 г.р.). Монахини из Барнаульского Знаменского женского монастыря, подворье которого появилось недавно рядом с ключом, убеждены, что в 1921 году там были расстреляны *«верующие монахи и священники»* [ПМА, 2004]. И лишь в одном сообщении говорится, что «святой ключ» расположен на месте, где были убиты *«мученики»*, выступившие против советской власти (записано от Кошкиной

К.А., 1920 г.р.).

Барнаульские историки восстановили события, происходившие в Сорочьем Логу в начале 1921 года, когда недовольные политикой продразверстки - и левые («бывшие партизаны»), и правые («остатки колчаковцев») - перешли к активным действиям против новой власти. Контрреволюционеры, как пишут авторы книги по истории села, «решили захватить власть через выборы», чтобы установить «Советы без большевиков». Вовремя раскрыв «заговор», коммунисты, по версии авторов, вначале «позволили» оппозиции прийти к власти, а затем, после выборов, арестовали весь новый состав волостного Совета народных депутатов. Часть «заговорщиков» была сразу расстреляна возле школы, «других вывели за село и порубили шашками»¹ [см.: Строчков и др., 2001, С.57, 62].

Зададимся вопросом, почему расстрелянные и зарубленные шашками участники «контрреволюционного заговора» превратились в народной памяти в «мучеников за веру»? Возможно, одной из причин указанного парадокса исторической памяти послужило то, что осудивший заговорщиков сельский сход, как пишут авторы той же книги, происходил в день религиозного праздника (на Крещение) «по Окончании богослужения в храме». Однако логика религиозного сознания, не исчерпываясь лежащими на поверхности фактами, могла включать в себя и более глубокие причины, связанные с «долго незаживающей раной памяти», когда «все (жители села) считали себя виновными в той трагедии» [Там же, С.60, 64].

Вскоре после описанных событий место гибели «мучеников за веру», как свидетельствуют полевые материалы, стало приобретать сакральный статус, подтверждением чего, с точки зрения верующих, служили регулярно наблюдаемые там «чудеса» («пение невидимых певчих», появление свечек J которые «горели сами собой»² и пр.). Все это продолжалось до тех пор, пока, наконец, сквозь землю не «проступила кровь» и не «пробился родник», который раньше находился «совсем в другом месте» [ПМА, 2004]. Общественное мнение, таким образом, было подготовлено к восприятию очередного «чуда», не заставившего себя долго ждать. Матери одного из расстрелянных, каждый день ходившей на место гибели сына, привиделся в ключевой воде лик, будто бы сообщивший ей о том, что все погибшие «признаны Богом невинными мучениками», и что родник, возникший на месте их гибели - это «слезы матерей по невинно убиенным» [Строчков и др., 2001, С.65]. Церковь способствовала распространению новой легенды, объявив ключ в овраге за селом «святым», а традиционные обходы полей в случае засухи {«с иконами и с батюшкой») стали включать в себя обязательное посещение ключа (записано от Выходцевой П.П., 1920 г.р.).

Широкая популярность «святого ключа» пришла на 1920-е годы, когда

паломничество охватило буквально всю страну, i «Бесперывные вереницы народа, - писала газета «Красный Алтай», - текут к ключу за исцелением, святой водицей и песочком». Ежедневная посещаемость «святого места» составляла не менее 500 человек. Летом 1925 года [указанное издание; развернуло широкую кампанию по борьбе с «религиозным дурманом и мракобесием». На протяжении месяца в газете регулярно печатались материалы, в которых давалась всесторонняя оценка данного явления. Рассмотрим некоторые методы антирелигиозной пропаганды тех лет.

От публикации к публикации характеристика «старухи Петровны» или «гражданки Шацкой», как называет газета видевшую «святой лик» женщину, становится все более ироничной, а оценка участников «заговора против советской власти» - все более жесткой. Если вначале речь идет о безутешной в своем горе матери, охваченной «страстным желанием увидеть убитого сына», то в последних заметках рисуется неприглядный облик старухи-проповедницы, «вздумавшей пустить слух» о «святом ключе» для привлечения к нему легковерных паломников.

Что касается самих «святых ликов», то сообщения о них носят явно противоречивый характер. По одним сведениям, это были изображения «расстрелянного сына» или же самого «Бога-отца с убитыми», велевшими объявить народу о святости места, по другим - верующим явилась «Божья Матерь с младенцем». Со временем, как писала газета «Красный Алтай», к столбу с иконой, поставленному возле родника, паломники стали нести приношения в виде отрезков холста, наивно полагая, что их жертва идет непосредственно Богородице (1 августа, 1925 г.).

В посвященных «святому ключу» материалах корреспонденты краевой газеты стремились использовать самые разнообразные приемы, чтобы представить названное явление в смешном, отталкивающем или же социально опасном виде. Так, имея в виду «поселившихся» в ключе «ангелов, архангелов, херувимов и серафимов», автор небольшого фельетона Д. Колочий вопрошал читателей: «неужели здравомыслящий человек может поверить, что в воде появились какие-то новые, невиданные до сих пор животные»? И неожиданно допустив указанную возможность, решительно заявлял, что коммунисты все равно выкинут их из ручейка «как мокрых куриц!» (31 июля, 1925 г.).

Большое внимание газета уделяла «целебным» свойствам ключа, помещая материалы о мнимом исцелении больных и о реальной опасности заразиться [трахомой, сифилисом и другими болезнями - ср.: *«В серо-грязной луже (паломники) пьют воду, купаются и тут же моют свои раны»* (17 июля, 1925 г.). Особую категорию «ключников» составляли лица, страдающих нервными заболеваниями - эпилепсией, истерией и пр. Уже при подведении к ключу «кликуши», как их называли в народе, начинали сильно волноваться,

но после обрызгивания быстро успокаивались.! *«Вот пятеро мужиков, - читаем в заметке от 1 августа 1925 г., - тащат к ключу тщедушную женщину, которая отбивается от них с невероятной силой. Больная кричит, сквернословит, все лицо ее перекашивается, глаза выворачиваются, кажется, что она вот-вот испустит в конвульсиях последний вздох. Брызнули водой - она успокаивается и начинает креститься».* Отметим, что беснование нервнобольных являлось, в глазах верующих, показателем святости ключа³, а усмирение их «святой водой» расценивалось как «чудо». Завершением идеологической кампании, проводимой газетой «Красный Алтай», явилось постановление сельсовета, в котором излагалась просьба к райисполкому «ходатайствовать перед высшими органами о закрытии святого ключа» (1 августа, 1925 г.).

Несмотря на все усилия со стороны властей полностью «закрыть святой ключ» не удалось. Пережив период упадка в годы советской власти (*«как колхозы пошли, все на ключе порушили»*) «святой ключ» в настоящее время вновь привлекает к себе внимание паломников. Приезжая из ближних и дальних мест в надежде получить исцеление, люди увозят с собой воду в пластиковых бутылках и глину с песком в больших стеклянных банках (ПМА, 2004). Продолжающиеся бытовать легенды о «явленных иконах» наполняются новым содержанием⁴.

Несколько лет назад рядом со «святым ключом» появился женский Богородице-Казанский Иоанно-Предтеченский Скит, с 2000 года по инициативе Барнаульской епархии здесь ведется строительство храма, разбит цветник, а само «святое место» облагорожено срубом, настилом и навесом. Владыка из Барнаула регулярно проводит крестные ходы к роднику, по окончании которых устраиваются массовые крещения детей и взрослых.

В условиях «экономического беспредела и вымирания деревни», как оценивают эксперты нынешнюю ситуацию [Строчков и др., 2001, С.207], возрождение «святых мест» можно считать одним из признаков пробуждения национального самосознания. Не давая однозначной оценки данному явлению, отметим, что существенная роль в нем отводится религиозно-экологическим представлениям.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 02-06-00201 а

1. Отметим, что легитимный приход к власти путем выборов вряд ли можно расценивать как «захват» или «заговор». Согласимся, однако, с общей оценкой событий как «кровавой трагедии гражданской войны», исключавшей всякую возможность какого - бы то ни было компромисса [Строчков и др., 2001, С.62].

2. Корреспондент газеты «Красный Алтай» также отмечал, что «самым чудесным проявлением ключа» кроме исцелений в народе считают горение свечей и появление на

воде святого лика (17 июля, 1925 г.).

3. Ср. с замечанием Н.Н. Покровского о том, что скиты пустынников часовенного согласия, а также могилы основателей этого согласия на Урале, у Веселых Гор, были знамениты тем, что помогали одержимым избавиться от бесов: «последние в присутствии иноков или их реликвий начинали непотребно ругаться» [Покровский, 1991.С.103].

4. Так, нынче летом были записаны предания о том, что именно в здешнем «святом ключе» была явлена знаменитая на Алтае Коробейниковская икона.

Примечания

ПМА - полевые материалы автора

Любимова Г.В. Явление иконы Пресвятой Богородицы (к вопросу о некоторых особенностях религиозного сознания сельского населения Сибири) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С.533-537.

Покровский Н.Н. За страницей «Архипелага Гулаг» // Новый мир, 1991, №9.

Строчков П.И., Строчков И.П., Рассыпное В.А. Сорочий Лог: история села. Барнаул, 2001.